

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-214-230
EDN: SLACVZ

ПОВЕСТЬ «ЗАТЕРЯВШИЙСЯ В ГОРОДЕ» ЗАУРА КАНКУЛОВА: ИМЕНА, ЭМОЦИИ, СМЫСЛЫ

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. Статья освещает ряд мировоззренческих и художественных аспектов повести «Затерявшийся в городе» адыгского прозаика З.М. Канкулова. Эскизно представлены эпизоды, связанные с запечатлением памяти о писателе, вхождением его образа в адыгский литературный контекст. Отмечена роль Н.А. Шогенцуковой и З.С. Канкуловой в сохранении и популяризации художественного наследия З. Канкулова. Дан краткий обзор изданий его произведений на языке оригинала и в художественном переводе. Среди отмеченных в представленной работе аспектов повести «Затерявшийся в городе» особое место занимает персонажная структура, композиционное построение, особенности эмоционального рисунка, роль имен собственных и наименований, философский подтекст. Продемонстрирована функциональность эффекта обманутого ожидания и предопределяемая этим эффектом роль читательской эмоции, выявлена связь семантики имен с характерами их носителей.

Ключевые слова: Заур Канкулов, адыгская литература, Нина Шогенцукова, Зарина Канкулова, повесть, имя, герой, пространство, время.

Для цитирования: Кажарова И.А. Повесть «Затерявшийся в городе» Заура Канкулова: имена, эмоции, смыслы // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 2. – С. 214-230. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-214-230. EDN: SLACVZ.

© Кажарова И.А., 2025

Original article

STORY BY ZAUR KANKULOV «LOST IN THE CITY»: NAMES, EMOTIONS, MEANINGS

Inna A. Kazharova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article highlights a number of ideological and artistic aspects embodied in the story "Lost in the City" by the Adyghe writer Z. M. Kankulov. In addition, episodes related to the imprinting of the memory of the writer, the entry of his image into the Adyghe literary context are sketched. The role of N. A. Shogentsukova and Z. S. Kanukova in the publication and popularization of the artistic heritage of Z. Kankulov is noted. A brief overview of the publications of his works in the original language and in literary translation is given. Among the aspects of the story "Lost in the

City" actualized in the presented work, a special place is occupied by the character structure, compositional construction, features of the emotional drawing, the role of proper names and appellations, and philosophical subtext. Conclusions are made about the functionality of the effect of deceived expectations and the role of reader's emotion predetermined by this effect, about the connection of the semantics of the names of the heroes with their characters.

Key words: Zaur Kankulov, Adyghe literature, Nina Shogentsukova, Zarina Kanukova, story, name, hero, space, time.

For citation: Kazharova I.A. Story by Zaur Kankulov «Lost in the city»: names, emotions, meanings. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 2. – P. 214-230. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-2-214-230. EDN: SLACVZ.

© Kazharova I.A., 2025

Многим, кто знаком с художественным феноменом Заура Мухамедовича Канкулова (1967–1992), довелось впервые услышать о нем от специалиста по зарубежной литературе, доктора филологических наук Нины Адамовны Шогенцуковой (1953–2022). Трепетно относившаяся к его личности и дарованию еще с той поры, когда он был ее студентом, она переживала как часть собственной судьбы историю его творческого становления и его трагический уход.

Пожалуй, без этого имени не обходился ни один разговор Нины Адамовны о вершинных моментах литературного бытия, и люди, никогда не знавшие Заура, попадали под его обаяние, его образ трогал душу, а приобщение к магии его слова становилось неизбежностью. В таком «посвящении непосвященных» было что-то оберегающее, ведь отрезок времени между оборвавшим жизнь писателя 1992 годом и годом 2004, в котором появился на свет сборник его произведений, вполне мог оказаться достаточным для того, чтобы многое из воспоминаний поблекло и затерлось.

Не сказать, что до выхода его книги в 2004 г. Заур Канкулов был хорошо известен читателю. Оно и понятно: автор, который только-только начал набирать высоту, еще и в пространстве национальной словесности, что до поры бывает заметно лишь небольшому кругу читателей. Некоторые его сочинения отложились в периодике, при жизни и после. Так, если говорить о периоде до издания сборника, повесть «Затерявшийся в городе» была представлена в 1995 году журналом «Ошхамахо». Для читателя же, не владеющего адыгским языком, долгое время был доступен лишь рассказ «Белая копоть», переведенный Джамбулатом Кошубаевым и опубликованный в газете «Советская молодежь» за 1997 год [Канкулов 1997] (позже, в переводе Л. Маремкуловой, предстанет как «Светлая копоть»).

Нина Шогенцукова, для которой история Заура Канкулова была подобна незаживающей ране, одна из тех, благодаря кому сборник «Затерявшийся в городе» состоялся. Более того, можно говорить, что и вся дальнейшая история этого сборника, в которой будут переводы и переиздания, создавалась теми, в ком она успела высечь искру интереса к феномену Канкулова.

Логично, что ее перу принадлежит и первая литературоведческая работа о писателе, очерк, отразивший дорогие ей черты характера и творчества.

Она пишет о нем в жанре портрета, причем парного, поместив в общую рамку, духовно-интеллектуальную и пространственно-временную, два созвучных для нее образа, Заура Канкулова и Зарины Кануковой. Очерк «Два портрета: Заур и Зарина», должен был войти в сборник ее статей «Лабиринты текста» [Шо-генцукова: 2002], но по необъяснимым причинам этого не произошло. И все же, доводя задуманное до конца, Нина Адамовна издала эту вещь отдельной брошюрой. Теперь она существует как приложение к «Лабиринтам текста».

Зарина Канукова, о которой сказано в очерке, ныне известный поэт, прозаик, журналист и драматург. То, что она и Заур люди одной стати, Нине Адамовне, их преподавателю, было ясно как никому другому. Представители одного поколения, становление которого пришлось на непростое время крушения советской стабильности и перехода в реальность весьма условных очертаний, оба живо реагировали на эту реальность погружением в собственные глубины.

В пору учебы Заура и Зарины на филологическом факультете КБГУ действовало литературное объединение, где начинающие писатели могли обсуждать свои опыты, видеть их со стороны. Завязавшаяся в те дни дружба молодых людей не прервалась и с переводом Заура в столицу, на факультет журналистики МГУ. Творческие контакты продолжились в переписке. С этим связан эпизод, который непосредственно приобщает личность Зарины Кануковой к наследию Заура Канкулова, ведь если бы не ее настойчивые поиски, вероятней всего, «Затерявшийся в городе» не добрался бы до читателя, а сгинул бы в почтовых завалах, пополнив печальный список потерь адыгской литературы.

В одном из писем Зарине Заур сообщал, что повесть завершена и рукопись отправлена в Нальчик с тем, чтобы ее отпечатали на машинке. Благодаря той же переписке вскоре стало ясно, что готовая и отосланная машинопись до адресата так и не дошла – вероятно, из-за допущенной в обратном адресе неточности. Как позже довелось убедиться Зарине, повесть долгое время курсировала между почтовыми отделениями двух городов. Сам автор разобраться в ситуации уже не мог, его не стало.

В том же выпуске газеты «Советская молодежь» за 1997 г., в котором был опубликован перевод рассказа «Белая копоть», есть небольшая заметка Зарины Кануковой. Мы приведем ее полностью, поскольку здесь не только необходимые читателю подробности биографии, но еще и возможность уловить эмоцию, на волне которой состоялся сборник произведений Канкулова:

«В 1992 году трагически оборвалась жизнь талантливого кабардинского прозаика Заура Канкулова.

Судьба подарила ему всего лишь четверть века.

Заур родился и вырос в Кабардино-Балкарии, в с. Камлюково.

По окончании школы поступил в КБГУ на филфак, отделение кабардинского языка и литературы. Служил в армии, затем еще год учебы в Нальчике и перевод в МГУ.

Факультет журналистики Заур окончил с отличием. В одном из своих последних писем Заур писал: «Повесть написана, осталось отпечатать ее на

машинке. В планах нечто более грандиозное. Постоянно думаю об этом. Точно знаю одно – надо писать...»

Творческое наследие Заура невелико – повесть и несколько рассказов. Повесть «Затерявшийся в городе» была опубликована в журнале «Ошхамахо» (№ 1, 1995 г.).

Несомненный талант молодого писателя был замечен читателями и критиками. Неординарность, чуткость этого человека чувствовали все, кто с ним общался. Жизнь почему-то распорядилась так, его не стало. Но остались его рукописи, немногочисленность которых не смущает, чтоб издать их отдельной книгой. По этому поводу к нашим читателям просьба: если среди вас есть друзья, знакомые Заура Канкулова, у которых хранятся его неопубликованные работы, письма и т.д., то, пожалуйста, принесите в редакцию. Этим вы, несомненно, поможете нам».

Упомянутой публикации в журнале «Ошхамахо» была предпослана вступительная статья Зарины. На тот момент миновало три года со дня гибели писателя, и она берется побеседовать с его родными, друзьями, близкими. В этой мозаике воспоминаний сошлись слова его матери, педагогов (Нины Шогенцуковой, Хамида Кажарова), автора вступления, и, что особенно дорого – слышен сам Канкулов: «Голос Заура. Каким он был? Можно догадаться по его рассказам и повести. Но, думаю, лучше всего он слышен в его письмах»... [Канкулова 1995: 53].

Творческое наследие Заура Канкулова, как говорилось ранее, вышло отдельной книгой в 2004 г. [Канкулов 2004]. Сборник «Затерявшийся в городе», куда вошли одноименная повесть и пять рассказов, опубликовало Кабардино-Балкарское книжное издательство «Эльбрус». По свидетельству Зарины Канкуловой, для издательств, тем более региональных, это было крайне непростое время, но вопреки всему и благодаря усердию неравнодушных, среди которых особенно выделяется личность заведующего отделом прозы журнала «Ошхамахо» Бориса Кагермазова (1935–2016), книга увидела свет.

Очередной удачей «Затерявшегося в городе» стало его воплощение в русскоязычном переводе Ларисы Маремкуловой. В 2009 г. этот перевод вошел в изданный Фондом С.А. Филатова сборник повестей писателей Северного Кавказа «Цепи снеговых гор».

В 2022 г., к пятидесяти пятилетию прозаика, при поддержке Министерства культуры и по инициативе Союза писателей КБР, сборник «Затерявшийся в городе» вышел на русском языке в издательстве М. и В. Котляровых [Канкулов 2022]. Спустя два года, в 2024, Мария и Виктор Котляровы на собственные средства и при финансовой поддержке участников Кабардино-Балкарской региональной общественной организации по краеведению «Память в наследство», издали сборник под тем же названием, объединив под одной обложкой оригинал и перевод [Канкулов 2024].

Повесть Заура Канкулова «Затерявшийся в городе»: эффект оправданного ожидания

С момента первой книжной публикации «Затерявшегося в городе» прошло больше двух десятилетий, но впечатления от этого события свежи и поныне:

точно вмешательство чего-то сверхъестественного было в том, что невероятность и запредельность, о которой рассказывала Нина Адамовна, вдруг материализовалась и так тихо и обыденно, словно и нет в этом ничего особенного, существует на полке книжного магазина. Осмелимся предположить, что ожидания тех, кто слышал об этом авторе, но не имел возможности почитать, оправдались уже с первых минут знакомства с повестью, которая открывает сборник.

Повесть и пять рассказов. Духовная глубина Заура Канкулова равно определяется в том и другом. И все же характер восприятия повести и рассказов разный, и причина, конечно, далеко не в жанровой индивидуальности. Читая рассказы, проживаешь их не только с интересом, но даже на душевном подъеме, зато повесть воспринимается на совсем иной волне. Прожить и пережить «Затерявшегося в городе» нелегко и непросто.

Есть в истории художественной культуры такие явления, о которых говорят, что, пройдя через них однажды, прежним уже не будешь. «Затерявшийся в городе» Заура Канкулова явно из их числа. Здесь не работают категории «нравится/не нравится», «это мне близко» или же – «нет, не мое». Здесь другое. Это то, что по прочтении так просто не отпустит, и не важно, появится ли при этом желание высказаться, или нет. Рискнувши высказаться, вероятней всего, начнешь издали: не с того, что и как сказал автор, а как такое вообще оказалось возможным для молодого человека двадцати с лишним лет – прожить и почувствовать так много за столь короткий срок.

О настоящем искусстве трудно рассуждать, поскольку оно всегда больше самого себя, больше того, кто его создал, и ты словно пытаешься найти подходящие рамки для того, что стремится за свои пределы. Говоря, что настоящее искусство выходит за пределы, мы подразумеваем не только то, что в нем много смыслов, а то, что, выходя за свои пределы, оно каким-то образом задевает нашу жизнь. Повесть Заура Канкулова этим свойством наделена. В том, что прожить произведение и пережить его, то есть пройти сквозь него и не втянуться в напряженный и долгий диалог с ним непросто, убеждаешься ближе к финалу. Можно сказать, приходится отыскивать точки опоры, чтобы его пережить. Оно имеет очень неожиданный и странный финал.

Герой повести, с которым, как выяснится в эпилоге, связано ее заглавие, обыкновенный юноша со своими слабостями, не хороший и не плохой, скорее даже хороший, поскольку иной раз проступает мягкость его натуры, пусть едва заметная, но все же тяга к возвышенному. Это присутствует и на знаковом уровне (плюшевый медвежонок, которого он приносит в подарок на день рождения Залине; нетипичная для его сверстников увлеченность биологией, подавленная, правда, авторитетным мнением родителей), и на уровне его переживаний и реакций (отторжение, которое вызывает в нем возможность телесной близости со случайной девушкой; бережно пронесенное через все школьные годы чувство к Залине). Иными словами, мягкий, порой неустойчивый Феликс скорее вызывает симпатию читателя, нежели что-то противоположное, особенно на фоне своего друга Коли, уверенного, находчивого, «знающего жизнь».

И вот, этот Феликс по какой-то причине проходит через непростые испытания – видения, которые доводят его до полубезумного состояния. В общем-то, видимых причин, по которым он «заслужил» эти испытания, в повести нет, да и

с причинами невидимыми все не очень внятно. По предположению деда Бекула, который помогает юноше преодолеть этот кошмар, с ним говорит прошлое, возможно, потому что в его родне «много таких, чьи души после смерти не нашли упокоения».

Другой персонаж – Ахмед, более осознанный, чистый духом, безусловно положительный. Он составляет контраст не только с Феликсом и Колей, но вообще со всей молодежью, отмеченной в повести. Ахмед словно находится по одну сторону представленной действительности, а все остальные – по другую. Возможно, одна лишь Залина по роду созвучных ей ценностей занимает срединное положение между Ахмедом и всеми остальными. В мире сумбурных ориентиров, порожденном длительным периодом ценностных трансформаций, мыслящий, ищущий, чувствительный и самокритичный Ахмед, подобно воспитавшим его бабушке Марем и деду Бекулу, предстает как продолжатель, а может и хранитель былой гармонии своего этноса. Он и поспособствует Феликсу выйти на путь спасения, выбраться из мрака.

Ахмед познакомит Феликса с дедом Бекулом, старым отшельником, своим наставником, некогда приобщившим его к Корану. Тот его спасет. И жизнь Феликса постепенно начнет приходить в нормальное состояние. Видения отступят, вернется спокойный сон. Жизнь наладится. В его характере проявятся решительные и четкие линии. Все это не даст ему отступить от намеченной цели после неудачи с поступлением в столичный вуз, подвигнет к тому, чтобы преодолевать трудности самостоятельно. Помимо этого, после спасения в Феликсе начнет пробиваться нечто важное и ранее не осознаваемое. Так, будучи вдали от родных мест, он вдруг станет испытывать щемящую тоску по звукам родного языка, которым толком и не владеет, заслышав родную мелодию, он затоскует по этнической наполненности, по смутно осознаваемой, но явно утраченной этнической сути. В общем, он на верном пути. И читатель проживает это спасение вместе с ним, он освобождается от мрака вместе с героем.

Можно ли это назвать эффектом обманутого ожидания, но в финале герой вновь уходит во мрак и, видимо, навсегда. На этот раз причина ухода явственна – его трусость, страх физической боли, лишившие его способности защититься от хулиганов свою девушку, Залину. Выходит так, что на этот раз путь к «спасению» от неминуемого мрака ему указывает близкий друг, Коля – тоже человек сильный духом, только сила эта с отрицательным знаком. «Проводник» Коля абсолютная противоположность Ахмеда, который ранее помог Феликсу выйти на спасительный путь.

Невольно встает вопрос: к чему же был весь этот путь, к чему было спасение, которое оказалось лишь кратковременным высветлением мрака?

Возвращаясь к роковому событию, погасившему едва замаячивший для Феликса свет, как-то не удастся до конца поверить в безвыходность его ситуации, а именно в неодолимость овладевшего им страха. Брошенное ему оскорбление – «кто друга променял на бабу, тот сам баба» [Канкулов 2022: 96], вызывает в Феликсе совершенно здоровую и естественную реакцию, агрессию. Он пытается дать в лицо своему обидчику, промахивается (такое не редкость!), и уже в следующую

минуту его агрессия улетучивается от встречного удара по шее, от блеснувшей перед глазами цепи. Феликс удирает, оставляя в беде свою любимую.

Если оказавшейся во власти насильников Залине зажимают рот, то убегающему Феликсу никто рот не зажимает: мог бы поднять шум, кричать, звать на помощь, тем более что несмотря на поздний час, парк безлюден не был. Но вопреки всему Феликс бросается наутек, подгоняя себя, судорожно цепляясь за мысль о бессмысленном донкихотстве:

«Феликс схватился за голову и побежал. Скорее! Скорее! Перехватывает дыхание. Слышен крик Залины, он напоминает вопль животного, попавшего в западню. Крик то обрывается, то взмывает вновь. Наверное, ей зажимают рот. Феликс останавливается, но лишь на минуту, страх гонит его дальше. Их много, а он один. Одному против всех – какое донкихотство!» [Канкулов 2022: 96].

Любопытная деталь. Охваченный страхом Феликс покидает парк не как-нибудь, не как придется, а через самое жуткое для него место – «угловой выход из парка, где возвышается памятник Тембалу». Шевельнувшийся в этот момент памятник мог бы стать вымученным оправданием его якобы возобновившегося психоза, однако ничего подобного: словно безмолвный упрек его малодушию «Тембал невозмутимо стоял на пьедестале...» [Канкулов 2022: 96]. Относительно проявлений Феликса перед лицом, если можно так выразиться, двух ужасов, Н. А. Шогенцукова замечает следующее: «Страх Феликса в первом случае связан с воздействием извне. Залина, Ахмед, Бекул избавляют от него. Страх во втором случае обусловлен не потусторонними, а человеческими причинами. Трусость Феликса, его малодушие, его эгоизм действуют изнутри, а от этого не избавит никто, с этим надо справиться самому, здесь нет помощников; в ином случае – нет и спасения. Это уже твой, личный грех, с ним – жить, с ним, а может из-за него, – гибнуть. Оказывается, труднее иметь дело с земным, с повседневным, с наработанным ходом твоей жизни, каждым твоим выбором, любимым, даже незначительным поступком, действием» [Канкулов 2022: 17].

Стоит вспомнить, что в самом начале повести, после диалога с полубезумной Залиной, на Феликса наплывали какие-то неприятные видения: запахи крови и пота, похожая на забитую насмерть птичку Залина с остекленевшим взглядом... Теперь же, в финале, этот эпизод как бы «становится на место», проясняя, что беглец, оказывается, вернулся, но вернулся тогда, когда уже ничего нельзя было спасти: *«Я ведь тогда... за подмогой бегал, ты знаешь, я вернулся потом... Куда одному против троих»* [Канкулов 2022: 26].

Выходит, счастье Феликса и Залины разрушил лишь один миг, в котором возобладал страх физической боли. И здесь напрашивается очередной вопрос: а насколько страх физической боли способен превзойти страх за того, кто тебе ближе и дороже всех на свете? Ведь не только для Залины Феликс был *«единственный по-настоящему близкий человек»*. Подобное же в отношении Залины чувствует и Феликс. *«Тебя одну любил за всю свою жизнь, – тихо проронил он вдруг. – Тебя одну»* [Канкулов 2022: 27] – таково спустя годы его признание Залине, запоздалое и неуместное, но, как убеждает дальнейшее повествование,

возвращающее к поре их юности, неразрывность духовной связи Феликса с Залиной действительно была: ей первой он рассказывает о своих видениях, уверенный в том, что она все поймет; ее силуэт видит он на лунной дорожке и хочет быть верен только ей; он ясно осознает, что не мыслит без нее своего будущего. Причем эта связь стала проступать все уверенней, звучать все громче и громче незадолго до трагической развязки их истории. И на таком вот фоне, посреди этого звучания, бегство Феликса – это не просто диссонанс, а прямо-таки вопиющая нелепость.

Однако читатель имеет то, что имеет: автор избрал для своего героя именно такой сценарий, такую участь. При этом он дал ему «говорящее» имя, и это обстоятельство трудно проигнорировать, ведь, повторяя мысль В. Руднева, «у имени собственного этимология – это все, что у него есть, поэтому она для него чрезвычайно важна» [Руднев 2003: 152], и еще: «Для культуры XX в. характерно наделение героев именами собственными в духе мифологического сознания» [Руднев 2003: 152]. Исходя из этого не будет лишним прочитать каждое встречающееся в повести имя как некую иноформу личности его носителя.

Имена

Имя собственное Феликс произошло от латинского «felix 1) счастливый, благополучный; приносящий счастье, благоприятный»; 2) плодородный, плодородный; 3) богатый» [Латинско-русский... 1952: 257]. Небезынтересна история перехода имени прилагательного felix в имя собственное: «В Римской империи в качестве имени слово изначально практически не употреблялось, лишь изредка добавлялось к имени в качестве прозвища в значении «счастливый» («везунчик»), чтобы подчеркнуть удачливость или «непотопляемость» данного лица. Наиболее известным примером подобного рода является бессрочный римский диктатор Луций Корнелий Сулла по прозвищу Феликс или «Счастливый»»¹.

И как же в таком случае распознать, о чем именно говорит нам «говорящее» имя героя повести «Затерявшийся в городе»? Может, это имя всего лишь ирония автора над героем? Или же важно расслышать, что в имени был шанс, было счастливое предопределение, которое герой сам же и отверг?

Возможно, чтобы добавить ясности, стоит принять во внимание последующий этап в истории распространения имени Феликс: «Постепенный сдвиг в употреблении слова Felix в качестве имени произошел примерно к первому веку до нашей эры. В таком же значении «счастливый» имя (или прозвище) Феликс стало даваться иноязычным рабам, и впоследствии удерживалось ими, если они становились вольноотпущенниками»².

Если предположить, что в перспективе судьбы Феликса была заложена участь раба, то, вероятно, этапы ее таковы: сначала неявные предпосылки в форме подражательства – «Феликс пытался не отставать от друга. Есть люди с талантом пародирования. Феликс к ним не относился, но сам, кажется, этого

¹ Феликс (имя) // Википедия. URL:

[https://wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%81_\(%D0%B8%D0%BC%D1%8E\)](https://wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%81_(%D0%B8%D0%BC%D1%8E)) (дата обращения: 28.02.2025)

² Там же.

не осознавал» [Канкулов 2022: 80], а впоследствии полное подчинение своему «господину» Коле, от которого он покорно сносит даже удар в лицо: «Коля, до сих пор молча сидевший рядом с водителем, обернулся и чувствительно въехал пьяному в лицо:

– Чего распоясался, тряпичная душа? Заглохни!

Коля не склонен шутить, кажется, пар идет из его гневно раздувающихся ноздрей. Феликс присмирел и скорбно погрузился в себя» [Канкулов 2022: 29]. Ясней же всего «участь раба» обнаружилась спустя несколько дней после позорного бегства, когда Феликс, представший перед надругавшимся над его девушкой другом, «чтобы спросить с него», с какой-то аномальной готовностью «проглотил» все пустопорожние доводы Коли, и теперь твердо «знал, что с этой минуты никогда не послушается лучшего друга» [Канкулов 2022: 98]. К этому стоит присовокупить одну малозаметную деталь. На протяжении всей повести только в речи Коли фигурирует краткая форма имени его друга – Филя, и благодаря невольной, но весьма упорной ассоциации с собачьей кличкой, она только лишний раз подчеркивает ту пренебрежительность, что замешана в его дружбе.

Но так или иначе это должен был быть раб удачливый, то есть человек счастливый. Однако даже с натяжкой счастливым или удачливым Феликса, раба Коли, не назвать. По всему несомненно лишь то, что в кульминации повести странное поведение героя выбивается из ситуации так же, как выбивается из предначертанной судьбы его «счастливое» имя.

Имена других героев тоже со смыслом. Так, имя Залина имеет толкования в разных культурах. «В тюркских языках – «красивая», «великолепная». В переводе с арабского языка имя Залина может означать «жемчужина». Также существует версия, что имя Залина имеет персидское происхождение и означает «красная», «румяная»¹. И это далеко не все. Другой источник также указывая, что толкование этого имени «имеет несколько версий, приводит немного иные значения. Первая версия говорит, что имя имеет латинские корни и в переводе дословно означает «цветок розы». По второй версии имя это с арабской историей происхождения и значением «рожденная золотом»². Таким образом, во всех случаях Залина подразумевает нечто прекрасное. Вряд ли с именем этой героини могло быть иначе, не даром же она двоюродная сестра Ахмеда, и не даром оба они внуки бабушки Марем.

Касательно имени Ахмед особой вариативности значения нет. Ахмед – «постоянно благодарящий Бога». Ахмад, Ахмет – (арабское, компонент сложносоставного имени) «прославленный, достохвальный»; эпитет пророка Мухаммеда» [Мусульманские... 2007: 46].

Чуть отступив в сторону, подметим интересный момент. Как мы здесь сказали, духовная сопоставимость Залины и Ахмеда определена кровным родством. Однако в повести есть еще один случай духовной сопоставимости, и весьма

¹ «Жемчужина» Востока: необычное имя Залина. URL:

https://shedevrum.ai/post/d10a72f06adb11eea68d222e7fa838a6/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.02.2025)

² Залина: значение и история имени, судьба и характер. URL: <https://1000imen.ru/zhenskie-imena/zalina-znachenie.html> (дата обращения: 28.02.2025)

неожиданный, – это Ахмед и Феликс. Совершенно разные, в какие-то мгновения они как будто видят друг в друге собственное отражение. Возможно, это отражение в кривом зеркале, и все же. Вот первое, еще не запятнанное предстоящими проявлениями Феликса, впечатление о нем Ахмеда, когда он видит его на дне рождения Залины: *«А он и на городского мало похож, скромн и очень нерешителен»* [Канкулов 2022: 65]. А вот оценка Феликсом Ахмеда в их следующую встречу, когда они втроем с Залиной идут в кино: *«Робок и скромн больно. До тошноты скромн»* [Канкулов 2022: 68]. Чуть позднее сквозь раздражение Ахмеда по поводу нелепых выкрутасов Феликса проглянет частичное отождествление себя с ним: *«Он и сам раскусил этого парня. Сочувствует его болезни, но до чего раздражает его бесхребетность! А как начнет изображать из себя крутого мужчину, так и тянет схватить его за плечи и встряхнуть: слушай, ты, перестань рисоваться, я тебя насквозь вижу, у меня самого те же проблемы, будь же собой!»* [Канкулов 2022: 79]. И вот уже мнение Ахмеда о Феликсе, где очевидны черты, определяющие его самого: *«Слушая сбивчивую исповедь, Ахмед думал о том, что он заблуждался в первоначальной оценке этого парня. Сейчас он видел перед собой человека ранимого, думающего»* [Канкулов 2022: 85]. Ранимый, думающий... Именно таким знают Ахмеда близкие ему люди – Залина, дед Бекул и бабушка Марем, именно таким видит его и читатель.

Возвращаясь к именам, скажем, что помимо Ахмеда есть еще два персонажа, чьи имена отсылают к сфере духовно-религиозной. Это дед Бекул и бабушка Марем.

Согласно толкованию, приведенному в словаре-справочнике «Мусульманские имена», Беккули – имя тюркского происхождения, означает «раб Господа» [Мусульманские... 2007: 57]. Какие-либо дополнения касаются имени человека, который помог освоить Ахмеду «язык, на котором нужно «разговаривать» с Кораном», помог Феликсу освободиться от жутких видений, будут излишни.

Марем (Марьям) – это преломленное в кавказском контексте имя христианской богоматери. Вот как характеризует оттенки этого преломления «Энциклопедия черкесской мифологии»: «Марем [Мерем] – богиня земледелия, считалась также покровительницей пчеловодства. Представления о Марем сложились под влиянием образа христианской богоматери (отсюда ее имя)» [Мижаяев, Паштова 2012: 214].

Еще одно имя, мелькающее в повести, напрямую связано с бабушкой Марем. Это имя ее дочери, мамы Залины – Марины Петровны (Патовны). Думается, здесь существенно не столько значение имени (лат. «морская»), сколько его обманчивая соотнесенность с Марем, обманчивая настолько, что «загоняет» в скобки настоящее отчество Марины – Патовна. Даже кровное родство бессильно. Созвучная с матерью именем, но бесконечно далекая от нее по сути Марина Петровна.

Безусловно, номинация играет не последнюю роль в произведении Заура Канкулова. И здесь важно не только то, как именованы люди, но также – местность и народность. Н. А. Шогенцукова обращает внимание на название села Чарцуко, в переводе с кабардинского «Село называется Лощина Акаций. Через формулу умолчания подчеркивается контраст. Когда-то аромат акаций был

доминирующим, не случайно ведь появилось такое название. Но теперь акации и их аромат и не упоминаются» [Канкулов 2022: 20]. Столь же красноречиво и имя народа, представителями которого являются герои повести – «наршу» – «несомненна ассоциация с нартшу – нарт-всадник» [Канкулов 2022: 8]. От себя добавим, что тему «нартов-всадников» продолжает и фамилия, с которой связаны Марем, Ахмед и Залина. В художественном переводе это не отражено, но в оригинале такое есть: «*Лъэсыдзэхэ къуажанцэмкIэ щыст*» [Канкулов 2004: 10] – «Род Лесидзевых проживал в верхней части села» (перевод наш. – И.К.). Звучная фамилия Лъэсыдзэ дословно означает «пешее войско» или, если сообразовываться с проходящим через повесть лейтмотивом судьбы народа, «спешившееся войско»: «*Уже вынудили мужчин наршу спешиться, но они продолжали строить новую жизнь*» [Канкулов 2022: 31].

В зловещем контексте этой повести невольно содрогаешься от значения имени Николай – «Во всех именованных имя Николай объясняется как происходящее от греческого «ника» – «победа» и означающее «Победитель народов» [Русские имена... 2020: 628]. Через всю повесть проходит краткая форма этого имени, Коля, но это, конечно, никак не отрицает смысловые потенции, заложенные в нем. Вот как характеризует «духовное и душевное строение личности» носителя этого имени П.А. Флоренский «Это характер, в котором нет плавных и упругих линий, но все состоит из отрезков прямых. В святом – они символичны и онтологичны, в обыкновенном же человеке – деревянные и черствы. Николай рассматривает себя как центр действий, сравнительно мало ощущая иные силы над собою и под собою» [Флоренский 2006: 563]. И судя по тому, что доволен и счастлив в итоге окажется только Коля, только Коля обретет твердую почву под ногами, он и есть победитель. Но дело в том, что читатель никогда не согласится с таким положением.

Сколь бы причудливые формы ни принимала борьба противоположностей в художественном произведении, разум упорно будет искать себе некую опору – смысл, ради которого автор решил подвести героя и читателя к зловещему итогу.

Траектории смысла

Рискнем предположить, что основное действующее лицо, ради которого Заур Канкулов создает свое творение и к чьим глубинам он пробирается – это душа читателя, ей придется пройти определенные трансформации, соприкоснувшись с этим текстом. И неизбежность этих трансформаций не только в богатой россыпи смыслов, не только в рождающихся спорах читателя с автором и с самим собой.

Заур Канкулов выстраивает произведение таким образом, что читатель оказывается вынужден совершить немалую душевную работу [Кажарова 2016: 162]. В определенной степени этому способствует инверсивное повествование, которое опирается на инверсивно представленное время. Начало повести дает понять, что нас ждет ретроспекция, что герои, а вслед за ними и читатель, направляют взгляд из настоящего в давно прошедшее.

Повесть открывается диалогом двух героев. Феликс и Залина (в прошлом тихая, скромная девушка, возлюбленная Феликса, теперь же городская

сумасшедшая) ведут мучительный разговор во времени настоящем, а все то, что будет происходить дальше – это рассказ о прошедшем, где оба они пока еще чисты и не сломлены. Эпилог повести ясно дает понять, что финал этой истории «расположен» там, где ему и положено быть – в самом конце произведения, причем он закольцовывается с началом повести, вновь возвращая нас в настоящее время. Эпилогом служит короткая зарисовка утра, сменившего тот день, в котором был разговор Феликса с полубезумной Залиной: утром он *«встал, отправился в ванную, побрился. Смывая пену, порвал нитку на шее, и заветную бусинку унесло водой в раковину. <...> Он вышел на улицу. Пройдя немного пешком, осознал вдруг, что домой больше не вернется. Не найдет дороги. Он заблудился. Затерялся в городе»* [Канкулов 2022: 98]. Казалось бы, все четко: вот он, настоящий момент. На самом же деле – нет. Время настоящее, время, которое «расположено» ближе всего к читателю и автору, связано с образом некоего мужчины, блуждающего по городу. Он проходит пунктиром через все повествование. И кто он такой, поначалу неясно.

Вот его первое появление. Торопящийся на день рождения к Залине Феликс едва успевает вскочить на подножку автобуса, но вдруг эту повествовательную линию перебивает коротенький, неведомо к чему привязанный эпизод:

«День достаточно теплый, но мужчина поеживается и поднимает ворот плаща, затягивает ворот потуже. Поднимается со скамьи и медленно трогается с места. Вслед за ним так же медленно трогается солнце, обрывки воспоминаний, его тень. Его печаль, его радость. Отчаянно пульсирует набухшая жилка на лбу...» [Канкулов 2022: 38].

Вскоре тот же «неприкаянный» образ ненадолго прервет динамичное повествование о дне рождения Залины:

«Мужчина пересек дорогу. Едва не попал под машину, водитель с трудом вывернул руль. Остановился, обматерил его на двух языках и поехал дальше. Мужчина, казалось, даже не заметил этого. Он размышлял о статуях и крысах. Порой сила мысли смещалась к ногам, заставляя его то убыстрять, то убавлять шаг...» [Канкулов 2022: 39].

А потом, несколькими страницами ниже, он, словно пауза, «преребивает» будничную беседу Феликса и Залины о предстоящем поступлении в учебное заведение:

«Город песочного цвета. И люди. Как они все похожи – лицо, рост, одежда – все одинаковое. Никто на тебя не смотрит, никто никому не интересен. Никому ты не нужен, можешь не прятать лицо. Он нащупал в кармане смятую пачку сигарет. Хоть бы снег пошел. Или ливень. Чтобы смыл напрочь эту отвратительную серую краску, застывшую все сущее. И голова прояснилась бы от свежести... Дома, люди, деревья – все куда-то бегут. Кто остановит их? Как? Хватать по одному и ставить на место? А эти памятники – вдруг они начнут

прыгать с постаментов и обратятся в бегство? Не это ли зовется концом света?..» [Канкулов 2022: 42].

Вскоре он буквально «прошивает» своим судорожным присутствием обширный фрагмент повести, почти две страницы, на протяжении которых всплывают чьи-то воспоминания о детстве, о птице, которую мальчик ненароком убил, запустив палкой в слетевшуюся на двор стаю. Здесь, конечно, может мелькнуть ассоциация с остекленевшим взглядом забитой насмерть птички, которой уподоблена Залина в тех воспоминаниях, что охватили Феликса еще в начале повести, но не обязательно. Прямых связей нет.

Под стать напряженному состоянию этого неприкаянного персонажа, с каждым таким отрывком нарастает хаотичность времени и пространства:

«Дума, ржавым гвоздем застрявшая в мозгу, вылезла наружу. Небесные жители изоциренно измываются над людьми, когда и как вздумается. Страх, необъятный страх черным дымом обволакивает его, стискивает до дрожи в ногах, гонит и не дает остановиться. Стиснуть зубы. Ни звука. Ни стоны. Снова городская улица. Лечь бы, но некуда – земля горит. Что это, помутнение рассудка? Он перестал ориентироваться во времени и пространстве...»

Вспыхнули разом все окна большого дома и ослепили его. Он напоминает себе беспомощного слепого крота. Но слух доносит до мозга все новые и новые звуки. Рот наполняется вязкой слюной. Громовые шаги. Страшные, в одном ритме с шумным дыханием шаги. Кто это? Тембал? Но звон колокола перекрывает все звуки...» [Канкулов 2022: 48].

В дальнейшем памятник Тембалу войдет в повествование и будет активно проявлять себя в «общении» с Феликсом. И уже, что называется, обратным числом, можно будет вспомнить упоминание Тембала в процитированном отрывке и заподозрить в образе блуждающего мужчины Феликса, но, опять же – не обязательно, ведь ассоциации пока весьма расплывчаты.

При следующем появлении этого образа возникает «апокалиптический провал в пространстве». Дальнейшие вставки в большей степени будут только акцентировать болезненное взаимодействие пространства и времени с этим неназванным мужчиной.

«Хмельной ветер разносил по улицам запах перегара. Минута загнулась на месте, стояла, дрожая от напряжения, качнулась в сторону и прошла. Пропала опора под ногами. <...> Дрожала земля так, что ногу страшно поставить. Все умерло. Ничего не осталось. Животный инстинкт самосохранения – и тот на последнем издыхании. Он сидит на скамье, под ее четырьмя ножками земная твердь еще сохраняется, а все остальное вдруг рухнуло в пропасть. Пропать вокруг, дух захватывает. От взгляда в эту бездонную пропасть накатила приступ страха. Он наступал неодолимо, он притягивал к себе, как любовь. Потеряв равновесие, скатился со скамьи...» [Канкулов 2022: 62].

Как мы уже сказали, не совсем понятно, к кому это относится, но в двух случаях этот сквозной образ как будто срастается с Феликсом. Так, приведенный только что фрагмент возникает вслед за эпизодом, в котором не пожелавший заводить интрижку Феликс покидает свою случайную подругу, а в следующий момент становится свидетелем жутких шевелений, производимых монументом, возвышающимся у входа в парк. Возникает двойственный эффект: то ли это вновь тот загадочный мужчина продолжает свое шаткое продвижение сквозь фантазмагорическое пространство, то ли до смерти напуганный созерцанием ожившего памятника Феликс теряет под собой опору.

Подобное наблюдается и здесь:

«...Он вновь обрел земную твердь, он вновь может ходить, не боясь провалиться. Он бесприютен. Он не нужен никому в этом городе, и ему никто не нужен. Идет, пошатываясь, и понимает, что надо идти ровнее, чтобы не загрязнить в вытрезвитель. Выбрал себе невидимую точку и идет, ориентируясь по ней» [Канкулов 2022: 90].

Данный фрагмент настолько плавно переходит в повествование о жизни Феликса в столице («*Большой город всей тяжестью навалился на своего гостя...*») после того, как его состояние нормализовалось, что может показаться началом описания его эмоций, однако это совершенно не увязывается с той поступательностью просветления, которая наблюдается в делах и мыслях Феликса «московского периода». А может, этот фрагмент вообще ассоциирован с Колей, который абзацем выше «рухнул вниз» вместе с карточным столом и вместе с другими игроками?..

Эпилог:

«Он пробудился. Солнце заливало комнату. Лежащая рядом храпела, приоткрыв рот. Голова раскалывается. Здорово они набрались вчера у реки. Встал. Отправился в ванную, побрился. Смывая пену, порвал нитку на шее, и заветную бусинку унесло водой в раковину. Жаль. Дети еще спят. Он вышел на улицу. Пройдя немного пешком, осознал вдруг, что домой больше не вернется. Не найдет дороги. Он заблудился. Затерялся в городе. Напал страх. Крик совы. Он идет по парку, идет к цели, зримой только ему» [Канкулов 2022: 98].

Он не назван по имени, но это Феликс.

При чтении и перечтении повести мысль должна будет проделать немало возвратно-поступательных движений, чтобы открыть, к кому это относится.

Под конец произведения уже делается понятно, что это настоящее Феликса, его последняя остановка, его нынешняя судьба, которая разворачивается в той точке, из которой смотрит и пишет повествователь. Но все эти перебивы приводят читателя в какое-то сложное состояние, разорванное восприятие времени, пространства и связанных с ними событий. Понемногу читатель приходит к пониманию, что в начале произведения было показано не время настоящее, из

которого устремлен взгляд повествователя (и героя) на события из недавнего прошлого, а некая затянувшаяся пауза, подвешенное состояние героя. Повторим, собрать все воедино читатель сумеет только в финале. И финал будет таков, что сознание, скорее всего, ему воспротивится.

Начав повесть с итоговой части истории Феликса и Залины, Заур Канкулов, по сути, уловил своего героя, как мы сказали, в состоянии затянувшейся паузы. В этом «вступлении к финалу» все в жизни Феликса если и не хорошо, то, по крайней мере, ни шатко ни валко. Есть еще надежда на что-то, вернее, слабые попытки что-то изменить, исправить: «*Залина, чем я могу искупить...*» [Канкулов 2022: 27]. Зато в конце повести автор вновь обратится к итоговой части этой истории и уже уничтожит своего героя окончательно.

О том, сколько смысловых граней у повести «Затерявшийся в городе», можно рассуждать очень долго, не менее впечатляет тот эффект, который всякий раз сохраняется при каждом ее перечтении: зная, чем она закончится, помня о том мраке, который наваливается в финале, почему-то упорно ожидаешь, что в этот раз все будет по-другому. Среди множества смысловых нюансов начинается поиск какой-то важной детали, тонкой полоски света, которая была упущена в прошлый раз, и которая все преобразит. Особенно усиливается эта надежда на том участке повести, где жизнь Феликса начинает налаживаться после встречи с Бекулом. Зарождается иллюзия, что в этот раз все будет хорошо. Но ближе к финалу вновь происходит удушение надежды. Заур Канкулов виртуозно выстраивает эмоциональный рисунок, иначе эффект ожидания иного финала не возник бы. Возможно, упорное желание обнаружить деталь, которая выведет к свету, и есть тот ценный опыт, ради которого появляются подобные произведения.

Есть писатели, которые меняют сознание эпохи, задают новые направления в искусстве. Стал ли Заур Канкулов одним из них? Энергия его художественного дарования мягко, но властно вовлекающая читателя в поле значимых для него смыслов, убеждает, что он из тех, кто был на это способен. Но изменил ли он сознание эпохи? Или хотя бы вошел в канон адыгской литературы? Скорее нет, чем да. Возможно, причина банальна – о нем мало знают. Сколь бы прогрессивна ни была эпоха, в которую мы живем, это далеко не время расцвета искусства, не время расцвета творчества. И какие-либо упреки культуре здесь вряд ли уместны. Н. А. Шогенцукова часто повторяла, что Заур Канкулов опередил свое время. Вероятно, в культуре, которой Заур Канкулов принадлежит по праву рождения, еще многое должно быть прожито, многое должно состояться, чтобы ему воздали должное.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кажарова 2016 – Кажарова И.А. Модусы художественности: Сборник научных статей об адыгской литературе. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 176 с.

Канкулов 2004 – Канкулов З.М. Затерявшийся в городе: Повесть, рассказы. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 96 с. (на каб.-черк. яз.).

Канкулов 2022 – Канкулов З.М. Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. – 140 с.

Канкулов 2024 – *Канкулов З.М. Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы / Къалэм дэгъуэщыхъа. Повесть. Рассказхэр. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2024. – 240 с (на русс. и каб-черк. яз).*

Канукова 1995 – *Канукова З.С. Оборванное слово // Ошхамахо. – 1995. – № 1. – С. 53-54.*

Латинско-русский... 1952 – *Латинско-русский словарь. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. – 763 с.*

Мижгаев, Паштова 2012 – *Мижгаев М.И., Паштова М.М. Энциклопедия черкесской мифологии. – Майкоп: «ИП Паштов З.В.», 2012. – 460 с.*

Мусульманские... 2007 – *Мусульманские имена. Словарь-справочник. – Москва–Санкт-Петербург: Диля, 2007. – 448 с.*

Руднев 2003 – *Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. – М.: «Аграф», 2003. – 608 с.*

Русские имена... 2020 – *Русские имена, прозвища, фамилии. Материалы к именослову. Часть 1. Русские имена славянского происхождения / Автор-составитель Н.И. Решетников. – М.: Переплетофф, 2020. – 1077 с.*

Советская молодежь 1997 – *Советская молодежь: газета. – 1997. – № 44. – 31 октября. – С. 8.*

Флоренский 2006 – *Флоренский П. Имена: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 896 с.*

Шогенцукова 2002 – *Шогенцукова Н.А. Лабиринты текста. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 224 с.*

REFERENCES

FLORENSKII P. *Imena: Sochineniya* [Names: Works]. – Moscow: Eksmo, 2006. – 896 p. (In Russ.)

KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2022. – 140 p. (In Russ.)

KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2024. – 240 p. (In Kabardin-Circassian and Russ.)

KANKULOV Z.M. *Zateryavshiisya v gorode: Povest', rasskazy* [Lost in the city: Novel, stories]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 96 p. (In Kabardin-Circassian)

KANUKOVA Z.S. *Oborvannoe slovo* [The broken word] // Oshkhamakho. – 1995. – № 1. – P. 53-54. (In Kabardin-Circassian)

KAZHAROVA I.A. *Modusy khudozhestvennosti: Sbornik nauchnykh statei ob adygskoi literature* [Modes of artistry: Collection of scientific articles on Adyghe literature]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 176 p. (In Russ.)

Latinsko-russkii slovar' [Latin-Russian dictionary]. – Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1952. – 763 p. (In Latin and Russ.)

MIZHAEV M.I., PASHTOVA M.M. *Entsiklopediya cherkesskoi mifologii* [Encyclopedia of Circassian Mythology]. – Maikop: IP Pashtov Z.V., 2012. – 460 p. (In Kabardin-Circassian and Russ.)

Musul'manskie imena. Slovar'-spravochnik [Muslim Names. Dictionary-Reference]. – Moscow-St. Petersburg: Dilya. 2007. – 448 p. (In Russ.)

RUDNEV V.P. *Entsiklopedicheskii slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Encyclopedic Dictionary of the Culture of the Twentieth Century: Key Concepts and Texts]. – Moscow: Agraf, 2003. – 608 p. (In Russ.)

Russkie imena, prozvischa, familii. Materialy k imenoslovu. Chast' 1. Russkie imena slavyanskogo proiskhozhdeniya [Russian names, nicknames, surnames. Materials for the Book of Names. Part 1.] / Avtor-sostavitel' N.I. Reshetnikov. – Moscow: Perepletoff, 2020. – 1077 p. (In Russ.)

SHOGENTSUKOVA N.A. *Labirinty teksta* [Labyrinths of the text]. – Nalchik: El'brus, 2002. – 224 p. (In Russ.)

Sovetskaya molodezh': gazeta [Soviet Youth: Newspaper]. – 1997. – № 44. – 31 Oktober. – P. 8. (In Russ.)

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova is a Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2025 г.; принята к публикации 27.06.2025 г.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 15.06.2025; accepted for publication 27.06.2025.